

Павел Парфин

Сопротивление бесполезно!

Павел Парфин

Соппротивление бесполезно!

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6507137

Аннотация

Книга Павла Парфина «Соппротивление бесполезно!» – повесть о вурдовампах.

Начало 2000-х. Одно за другим кузнеца Гриценко преследуют несчастья. Сначала кузнеца увольняют с завода, затем от Гриценко уходит жена. Инициатором увольнения является мастер Борис Савельич Приходько, заводской мачо и любимец женщин. К нему, разумеется, и уходит Людка Гриценко. Дальше – хуже. Ночью подвыпившего Серегу, решившего затопить грусть-печаль портвейном вперемежку с пивом, избивают четверо холеных молодчиков, а потом они же пытаются изнасиловать дочь Гриценко Машу... Как в жизни – пришла беда, отворяй ворота.

Кузнец горит жадной мести за себя и дочь. Узнает, что ночные налетчики любят собираться в элитном гольф-клубе. Вечером Гриценко пытается проникнуть в клуб (у которого весьма претенциозное название – «Новые арии»), но безуспешно – вокруг крепкая ограда, за ней сторожит покой золотых мальчиков надежная охрана. Откуда ни возьмись, словно из-под земли, – прохожий, невзрачный на вид мужичонка. Стрельнул сигарету, с расспросами пристаёт. Слово за слово – и вот уже незнакомец

посочувствовал кузнецу, предложил ему помощь: «Пойдем со мной – у меня есть то, что тебе нужно. Потом вместе вернемся. Я помогу тебе, Гриц». Так начинается знакомство кузнеца с Коровиным, предводителем вурдовампов.

Вурдовампы презирают вампиров, несмотря на то что в незапамятные времена произошли от них. Вурдовампы более совершенные существа – они не боятся солнечного света, а днем ведут себя, как обычные люди. В полночь их кровь-оборотень превращает с виду обычных людей в чудовищ.

Гриценко-вурдовамп с вновь обретенными собратями отправляется в гольф-клуб мстить. Там бывший кузнец перегрызает горло одному из четверых обидчиков. С этого момента начинается его долгий, кровавый путь мести. Когда же наконец ему удастся утолить жажду мести, темная сила затмевает разум Гриценко-вурдовампа. Он решает привести в логово кровопийц свою дочь, дабы доказать свою преданность, но попадает в засаду, устроенную его друзьями. Гриценко-чудовищу вводят в кровь гемовирус, благодаря которому он обретает новую кровь – и исцеляется.

Содержание

1	7
2	15
3	24
4	30
5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Павел Парфин

Соппротивление бесполезно!

*Кровь – Млечный Путь ваших желаний.
Поляриз*

* * *

В окно кухни заглянуло пышущее здоровьем банановощное солнце. Эх, не вовремя заглянуло! Застигло Людку Гриценко врасплох. Взяв нож, чтобы крошить репчатого лука, та вдруг порезала палец на левой руке. «Ой!!» – взвизгнула она.

За полминуты до этого несчастья Серега Гриценко, сидя в соседней комнате, сапожным ножом вырезал из полиуретана набойки для туфель жены. Высунув язык, приговаривал: «Соппротивление бесполезно... Соппротивление... твою мать... бесполезно...» Полиуретан был твердучим, как камень. И вдруг за стеной на кухне: «Ой!! Черт бы побрал этот нож!» От неожиданности Серега вздрогнул и полоснул ножом по левой руке – точно по безымянному пальцу.

– Шо ж ты, мать твою, так орешь!! – в сердцах рывкнул он и выбежал из дома. В траве возле подъезда нашел покрытые пылью листья подорожника. Поплевав на них, прижал к

кровоточащей ране. Приложил рану к уху, будто к чему-то прислушиваясь: нет, не слышать тока крови... Потом, спеша, поднялся в дом – на пороге стояла Людка с красными от слез глазами. Марлевая повязка на ее раненом пальце сочно набухла от крови.

– Кто ж так кровь останавливает?.. – начал было воспитывать Гриценко, но Людка, махнув на него рукой, мол, у каждого свои секреты, жалостливо разрыдалась:

– Дурак ты, Сережка, вместо того чтобы пожалеть...

– Эх ты, горе мое луковое, – Серега виновато улыбнулся и, легко подняв на руки жену, понес в спальню. – Я тебе сейчас песню спою.

– Такую, как в детстве Машке пел? – спросила жена, быстро успокоившись в мужниных крепких руках.

– Нет, другую – от которой ничего не болит.

...Серегу Гриценко вчера уволили с завода. Кому сказать – не поверят! Ведь Гриценко – кузнец от Бога!.. Люди о Сереге так говорят, да и сам он не прочь похвалить себя: мол, блоху, может, и не подкую, но иголку в рубль перекую запросто.

И вот неожиданно-негаданно остался Гриценко без работы. Сидел сейчас на скамье у подъезда пятиэтажного панельного дома, в который впервые вошел почти двадцать лет назад. Сверху нещадно жарило августовское солнце, будто силилось докричать до Сереге с высоких небес: «Ату его, ату!!» – да сердобольная абрикоса, растопылив пятерни листьев, как могла, спасала мужика от прямого солнечного удара. Ох и жара!

Тыльной стороной ладони Гриценко вытер пот со лба, а другой рукой поднес к губам бутылочку пива. Отпил и вместе с теплым пивом проглотил очередную порцию горьковатых на вкус воспоминаний. Ну и жара! Ну и говно же мастер Приходько!..

...Три дня назад к Гриценко, внимательно изучавшему технологическую карту нового заказа, подошел мастер. Сереге неизвестно было, разменял ли Приходько полтинник, но выглядел Борис Савелии молодцом. Чуть ниже среднего роста, плотный, подтянутый, с едва-едва наметившимся жи-

вотиком, но по-прежнему живыми, можно сказать, блудливыми глазами, слащавым фейсом и прямо-таки актерским носом, мастер «подобався» половине завода. Разумеется, половина эта была бабьей. Гриценко чувствовал: нравился Савелии и его, Серегиной, жене Людке.

Так вот, подошел мастер и, не глядя Гриценко в глаза, негромко сказал:

– Надо, Сергей Иванович, срочно сделать. Здесь их, – показал взглядом на контейнер с заготовками, – тысяча семьсот штук. Это под фланцы.

– Сам вижу, – кивнул Гриценко.

– Надо к вечеру наковать. За внеурочные плачу по двойной ставке.

Гриценко рад стараться: деньги-то нужны каждому... Ковал всю первую смену, остался на вторую. Благо кузнец, который должен был сменить его на второй смене, сговорчивым оказался: согласился поработать на молоте, пустовавшем на соседнем участке.

Короче, наковал Гриценко, как и договорились, в аккурат к десяти вечера. Спецовка на Сереге насквозь от пота промокла, лицо горело от шестнадцатичасового кузнечного солнца, даже руки немного дрожали, что никогда за ним не водилось. «Устал малость», – вздохнул Серега, стоя нагишом под заводским душем.

А поутру, явившись как огурчик на первую смену, услышал от мастера такое, за что чудом не дал ему в морду.

На этот раз, нагло глядя в глаза Гриценко, Приходько ого-рошил:

– Вижу, постарался, слово свое сдержал. Только... Я вчера, Серега, пошутил, что за срочность отдельно заплачу. Просто хотел проверить тебя, а ты и в самом деле... Тебе ж скоро на пятый разряд сдавать... Нет у меня денег за внеурочные!

– Так какого ты хрена?!.. – начал закипать Гриценко.

– А ты остынь. Хочешь, я за тебя слово скажу начцеха?.. Может, премию когда получишь, – мастер ухмыльнулся с издевочкой, не отводя взгляда от явно офонаревшего кузнеца.

В тот момент Серега стерпел обиду. Но потом, часа через два, пошел в комнату мастера, где сидела крашенная под жгучую южную ночь Верочка-припевочка – секретарша Приходько. Любопытства ради пошел, а не из-за жадности: чтобы у стервозной Верки узнать, сколько денег на самом деле закрыл ему мастер. Может, Савелии пошутил, что он... пошутил?

Но мастер, скотина, Сереге не то что внеурочные не учел – он ему вообще только первую смену закрыл! Паршивых 850 фланцев!

Сняв пышногрудое сопротивление Верочки, с восьми до пяти стоявшей горой за любимого начальника, Гриценко с шумом ворвался в кабинет Приходько. Ворвался и встал молчком, не зная, то ли нос разбить мастеру, то ли просто плюнуть в его холеную харю. Но Савелии предупредил:

– Не рыпайся. Сопротивление бесполезно! А попытаешься стучать на меня, немедленно подниму на совещании у начцеха вопрос о твоей профпригодности и дисциплине труда. Надеюсь, не забыл свой недавний грешок?

Гриценко поморщился. Еще бы, разве такое забудешь!.. Месяца два назад Серега пил с сотоварищем, работавшим рядом на гидромеханическом прессе. Пили, как говорится, не отходя от прессы. Отмечали вполне безобидную дату – день рождения племянника сотоварища. И выпили-то всего по полторы бутылки «розового»... То, что потом выкинул Гриценко, ему самому, наверное, и в страшном сне не привидится. Вскарabкавшись по стене на второй этаж, Серега проник через окно в стеклянную будку – кабинет начцеха (в тот час Егор Палыч, кажись, в горсовете депутатствовал). Ничего не взял с роскошного, под красное дерево стола – прихватил лишь дорогушую, тысячи на полторы, модель «Нокиа», которую начцеха презентовали во время последней зарубежной поездки. Спрашивается, на хрена кузнецу мобила?.. Вот то-то и оно.

Конечно, Серега не вел счет тому, сколько раз он опустил молот на несчастный телефон. Но та лепешка, которая осталась после «Нокиа», ужаснула всех на участке. Кроме мастера. Приходько с интересом повертел в руках Серегин «шедевр», даже цокнул языком. Затем долго-долго глядел на поникшего, будто проштрафившийся школьник, Гриценко.

– Силен, мужик. На такую ударную нагрузку финны вряд

ли рассчитывали... Ладно, на первый раз отмажу тебя.

Позже Гриценко узнал, что мастер, явившись к начсеха с безобразной лепешкой, доложил, что, по всей видимости, Егор Палыч обронил телефон во дворе завода, а потом по «Нокиа» груженный «КрАЗ» проехался. Причем не один раз. Может, пять-шесть... Тогда Сереге, слава Богу и спасибо Савеличу, сошло с рук. Но сейчас Гриценко упрямо отказывался, чтоб сошло с рук мастеру.

– Ну, что стал как столб? Пошел вон! – неожиданно грубо выставил кузнеца Приходько. Ну Гриценко и пошел... напрямиком в кладовую, куда со всего участка свозится готовая продукция.

Кладовщице Марье Николаевне Гриценко нежно навесил лапши на уши:

– Марья Николаевна, дорогая, выручай! Я там фланцы тебе сдал...

– Как же, помню, – не отрывая глаз от вязания, подтвердила пожилая кладовщица. Спицы быстро плели из серой шерсти рисунок – такой же незатейливый, как жизнь кладовщицы.

– Вот, сдать-то сдал, а заусенцы с фланцев не снял. Мне за это мастер голову оторвет.

– Не оторвет, – не поверила Марья Николаевна.

– Правильно. Но премии лишит.

– Лишит, – сухо согласилась кладовщица. – Чего тебе нужно? – подняла взгляд вверх очков в дешевой оправе.

– Забрать хочу фланцы. Чтобы заусенцы, значит, того...

– Как-то ты косноязычно выражаешься, Сергей Иванович.

Бери, но не все. Все не дам, а то Приходько часто заглядывает, хватиться может. Половину бери. И чтоб мигом заусенцы свои снял!

Эх, добрая душа Марья Николаевна и... неграмотная. Тридцать лет на заводе работает и не знает, что заусенцы всякие должен токарь Бойко снять, но никак не кузнец Гриценко.

Сереге старательно отсчитал 850 фланцев, погрузил на тележку, но повез не к молоту своему, а к пятидесятитысячтонному прессу. Подвалил к сотоварищу, чесавшему язык с симпатичной девчонкой-технологом, наврал ему, что жена его звонит, что трубка ждет в кабинете мастера... А сам, пока сотоварищ бегал рыкнуть на жену, чтоб от работы не отрывала, вывалил на пресс все до единого 850 внеурочных фланцев да одним махом, в один присест могучего пресса превратил их в стальную лепешку. Гораздо больше, чем та, что из финской «Нокиа» вышла. Прodelал этот акт вандализма прямо на глазах молодой технологши, но та, вместо того чтобы сексуально побледнеть и справедливо возмутиться, вдруг заметила: «Да вы, Сергей Иванович, нигилист!»

Приходько, позже познакомившись с Серегиным безобразием, жутко психанул и в тот же день наклепал гневную докладную на имя начцеха: мол, уважаемый Егор Палыч, должен сообщить вам, что кузнец Гриценко С.И. – злостный

вредитель, нанес непоправимый урон родному заводу, поэтому гнать надо Гриценко в три шеи, чтоб духу его не было на заводе и прочее и прочее. А скользкий и лысый, как подшипник скольжения, заммастера Фомич при этом мерзко подгавкивал...

Вот и погнали Гриценко с завода, на котором он отбарабанил неполных 12 лет... Ну и шут с ним! Не с заводом, конечно (к заводу Гриценко всей душой привязался), – шут с мастером Приходько!

Правда, такую, прямо сказать, пацифистскую позицию в отношении воинствующего мастера Серега занимал недолго, а если точно – 18 часов. И не мудрено: в среду в три часа пополудни Серегу с треском уволили, а уже на следующий день в девять утра от него ушла жена – Людмила Гриценко. И к кому? По злой иронии судьбы или, чего еще хуже, по большому обоюдному согласию Людка досталась... все тому же Приходько!

Смылась вертихвостка, а пятнадцатилетнюю Машку как ни в чем не бывало бросила. Перед тем как хлопнуть дверью, сказала Гриценко: «Ведь в ней твоя кровь, не моя. Ты с ней лучше ладишь. Вот и воспитывай! А я Борису, даст Бог, еще рожу». И ушла. А что Сереге – до дочери ли сейчас?

Пиво в его руках пенилось слабо, зато душа клокотала, как густой кипяток, угрожая того и гляди хватить через край и ошпарить отчаянием вперемежку с сердечной яростью. Самого Серегу и ошпарить...

Над ним, будто мим в неудобной позе, застыла кривая абрикоса, продолжая безропотно защищать его макушку от палящих солнечных лучей. В ту минуту Серега чувствовал себя таким обиженным, таким обделенным, так ему было себя жалко, что он не в состоянии был воспринять ни чужую любовь к себе, ни чужую жалость. Ну разве что чужое горе могло отвлечь его от невеселых мыслей о себе...

«Ладно, чего там, пойду напьюсь», – просто, как, наверное, любой бы в его ситуации, решил Гриценко и отправился на завод. Не доходя 30 метров до проходной, свернул влево в проулок, под сень старых лип, мирно пахнувших пылью и необлетевшим липовым цветом. Ноги привычно несли Гриценко в пролетарское кафе «Поричка», расположенное на первом этаже одного из панельных домов. Стеклопакетные двери, поставленные еще в советские времена, отбрасывали на тротуар щедрую россыпь солнечных зайчиков, путавшихся под ногами прохожих. Нащупав в заднем кармане брюк небрежно сложенные десять гривен, Гриценко подмигнул своему отражению в кафешной двери и вошел внутрь.

Кафе «Поричка» в народе беззлобно называли «парной». Здесь всегда было душно, накурено, наполнено хмельным гомоном, вскриками, побрякиванием, звоном бутылок, шелестом полиэтиленовых пакетов, треском пластиковых стаканчиков, вонью липких луж под ногами... – даже тогда, когда во всем кафе пила лишь одна продавщица за стойкой.

Сегодня в «парной» былолюдно. Гриценко многих узнал, вежливо кивнул с безопасного расстояния. Вслед за одобрительными возгласами вроде: «Молоток, Серега, забил х... на их брудни гроши!» или «Гриц, ты б еще под пресс мастера яйца засунул, шоб меньше паялился на наших баб!» –

с разных сторон посыпались полупьяные приглашения выпить. Но на Серегу что-то нашло, пока еще смутное и без имени, что так же не просто сразу уловить и назвать, как идущую ночью на город грозу.

Недолго выстояв в очереди, доверительно пахнувшей табаком, машинным маслом и отчего-то домашним борщом, Гриценко взял полулитровый полиэтиленовый стакан «Черниговского» и встал за столик... напротив мастера Приходько. За столиком, кроме них, – ни души.

Увидев такое, народ в «парной» притих. Растерялся, видеть, и мастер, потому как заговорил первым, несмело глядя поверх Серегиного левого уха:

– А ты здесь никак герой, Сергей Иванович. Вот наш человек-то какой: подавай ему в герои исключительно пьяниц и вредителей! Что скажешь, Иванович?

Серега молча пил, удивляясь своему поступку: и на хрена он раздавил те фланцы? Ведь не стоит, не стоит того этот жалкий человечиска!

– Хм, считаешь теперь ниже своего достоинства вести со мной беседу? – насупился мастер. Затем, вдруг резко перегнувшись через стол к Гриценко, забрызжал слюной, зашипел зло, как гусь: – Да мне твоя жена знаешь до какого места?! Она... Как материальная и моральная компенсация урона, который ты мне, козел, нанес! Я из-за тебя, мудака, четыре тысячи потерял! А ты мне про свою жену...

В следующую секунду мастер Приходько потерял свой ак-

терский нос. Ну, почти потерял. Врезал Гриценко мастеру так, что Савелич взлетел, будто от прыжка на батуте, и спиной рухнул на соседний стол – тот под мастером и сложился. Чем не кино!

Но Гриценко даже бровью не повел. Равнодушно вытер о штанину руку, испачканную Приходьковской кровью, допил не спеша пиво. Потом, правда, заметил:

– Вчера ты, Борис Савелич, пытался меня стращать. «Сопротивление бесполезно», – говорил. Как видишь, не бесполезно. Я за себя всегда смогу постоять, а вот тебе посоветую... Поверь, без злобы посоветую. Хотя, ты знаешь, мне есть за что с тобой поквитаться. Я... я даже не советую, а прошу: не попадайся больше на моем пути, а то... А то придет мой черед сказать тебе: сопротивление бесполезно!

Последние слова Гриценко были адресованы кому угодно, но только не мастеру. Приходько помогли подняться и, поддерживая под руки, вывели из кафе. Мастер вышел, не обернувшись. «Ну и черт с тобой! – плюнул под ноги Гриценко. – То же мне фрайер – от одного удара раскис!»

В тот вечер раскис и Серега. От пива он перешел к портвейну... А вот чем угощали его знакомые слесари из 16-го цеха, могла рассказать разве что грязная, бомжарского вида луна, с завистью заглядывавшая в окно «парной».

Но Гриценко в упор не видел никакой луны. Он вообще мало что разбирал на своем пути, возвращаясь домой. Говорят, у пьяного вдруг просыпается шестое чувство, которое,

связавшись невидимой нитью со звездами, безошибочно выводит гуляку, точно опытного лодмана, к нужной цели. Да, много о чем говорят.

В ту ночь Гриценко лишь слышал крики и проклятия над своей головой и терпел нестерпимую боль. Шестое чувство неожиданно-негаданно подвело Гриценко, вывело его, поймавшего хмельную нирвану, черт знает куда и к кому – в лапы четырех парней – оголтелых, безжалостных, будто сорвавшиеся с цепи псы, налетчиков. Звезды мигом бросились врассыпную, луна перекинулась на сторону врага, влупив фару дальнего света... А Серегу били...

Чем его только не били! Били даже такой штуковиной, назначение которой ему было неизвестно. Гриценко запомнил, так же чудом запомнил, как выжил в ту ночь: один из налетчиков замахнулся на него металлической клюшкой или клюшкой. Серега едва успел разглядеть загнутый конец у той железной палки, зловеще блеснувшей в лунном свете, как в следующую секунду получил сокрушительный удар в голову. Вот так, ни с того ни с сего металлической клюшкой – и точно в левый висок...

Еще Сереге врезался в память один эпизод. Глубоко врезался, хоть и пьянющим был Серега и били его в ту ночь – били быстро и с четырех сторон. Поди запомни среди такой котовасии!.. А Гриценко, гляди-ка, выжил и запомнил, как кто-то крикнул ему... Нет, язык не поворачивается повторить те слова...

На следующий день, придя в себя после побоев, он решил найти место бесславного своего падения. Не давала ему покоя та фразочка, причем очень знакомая, отпечатавшаяся в памяти одновременно с ударом в висок. Однажды он ее уже слышал... от мастера Приходько. Хуже трехэтажного мата показалась Гриценко та обидная фразочка. Пулей пробила хмельные заслоны Серегинаго сознания и точно в яблочко поразила не тронутый алкоголем умишко. Вот почему она так возмутила его: он уловил ее смысл с невиданной для пьяного трезвостью. «Соппротивление бесполезно!!» – заорал парень, внезапно выскочивший со стороны луны-перебежницы, продолжавшей лить мертвенный свет. Крикнул – и ударил Серегу металлической палкой с загнутым концом. Как в блядском голливудском боевике!

Тот удар Гриценко перенес, устояв на ногах. Так, пошатнулся чуток. И тут же пропустил второй удар, третий... пятый!.. Гриценко, здоровый рослый мужик – кузнец ведь, черт побери! – правда, немного сутулящийся, со слегка покатыми плечами, в те минуты был похож на загнанного медведя, которого обложила свора гончих... Это сравнение впоследствии возникало у Сереги еще не раз.

А четверка была как на подбор – все красавцы и звери. Даже в тусклом лунном свете было заметно, что ребята ни в чем себе не отказывают да к тому же привыкли, что им тоже ни в чем не отказывают. Одним словом, лихие парни били Серегу Гриценко!

Поначалу он разглядел более-менее только одного из них – того, что безжалостно крикнул ему в лицо: «Соппротивление бесполезно!» Ругань и крики остальных нападавших слились в сплошной непереводинмый гул. Серега не смог разобрать ни одного их слова, ни одного проклятия. Как не в силах был разглядеть их мельтешащие лица – от них у Гриценко зарябило в глазах...

Сейчас Серега стоял в том самом месте – в узком проходе между двумя кирпичными пятиэтажками, – где этой ночью произошло его посрамление. Гриценко стоял, облокотившись о холодную, еще не нагретую солнцем кирпичную стену, напрягал память, пытаясь вспомнить лица тех гадов...

Сначала припомнились лишь смутные серые пятна... потом огромные черные, будто нарисованные углем, глаза (Гриценко вспомнил: как у жертвы-мстителя из фильма «Ворон») и... разные, совсем разные волосы. У того, что больше других запомнился, – черное каре; у толстяка (ага, значит, среди них был толстый!) – совершенно голый череп; у третьего (кажется, он невысокого роста) – волосы цвета светлой соломы и прилизанные, точно смоченные водой; у четвертого...

Серега вспомнил бейсболку на голове четвертого, надевую козырьком назад. Как же он сумел надеть ее на такие пышные кудри?! Все!! Довольно! Сил больше нет вспоминать!..

...Серега отбивался неловко, не отбивался даже, а отма-

хивался, будто жалел нападавших.

Лишь однажды, скорее всего по случайности, чем намеренно, он поймал ту металлическую клюшку. Поймал и машинально дернул на себя – и тут же близко-близко, на расстоянии согнутой в локте руки, перед ним выросло искаженное злобой и яростью молодое лицо.

Сереге почувствовал, как от ступней к голеням и выше – от коленей по бедрам, позвоночнику – к голове – покатилась ледяная волна, не обещавшая ничего хорошего ни самому Гриценко, ни тому парню, упрямо вцепившемуся в металлическую клюшку. А лицо у парня было, как у молодого Дидье Маруани – музыканта из старинной группы «Спейс». И волосы такие же – черные, прямые, постриженные каре. Надо же – такое сходство!

– Ну, шо ты там щас лепетал? У?! – мягко рыкнул Серега и вырвал-таки металлическую клюшку. Вырвал и хотел было выкинуть прочь, да хулиган «Маруани» опередил – со всей дури ударил головой Серегу в лицо. У Сереге аж искры из глаз посыпались, из носа хлынула кровь. Гриценко невольно отпрянул и тут же получил удар сзади. Удар был такой силы, что немедленно свалил Серегу с ног.

Потом его просто били ногами. Линялая луна меркла, меркла в Серегиных залитых кровью глазах, пока не погасла...

Гриценко в который уж раз обошел куцый клочок земли между двумя домами (кстати, в них до сих пор живут люди,

которые не пришли ему на помощь). Той земли едва-едва хватило бы Сереге на могилу.

Он в сердцах плюнул... и в тот же миг нашел металлическую клюшку. Как будто, не отдавая себе в том отчета, он все это время только и делал, что искал ту чертову клюшку!

Она валялась в затоптанном, местами забрызганном черной кровью подорожнике. Клюшка оказалась нетяжелой, довольно аккуратной, приятного серебристого цвета – можно сказать, фирма. Серега поднес клюшку к глазам: «Шо-то там нацарапано... На английском: „Маде ин...“ Гарненька клюшечка, ничего не скажешь, но почему мала така? Ан нет, хорошо, что мала! А то забили б меня, как мамонта!..» Гриценко никак не мог взять в толк, для каких она предназначена целей. «Хм, может, ею лилипуты гоняют в хоккее?.. Или Спинов все ж таки прав, шо клюшка для этого... как его... гольфа? – гадал Серега. – Ладно, прихвачу домой. Дочка наверняка шо-нибудь дельное скажет. Спинов, конечно, голова, но Машка, хоть и мала еще, иногда как выдаст шо-нибудь, так только держись! Спинов тогда говорит: „Ну, Маруся, у тебя не голова, а „Пэнтиум“!“ А шо цэ за шткука така – „Пэнтиум“ – не объясняет...»

Проблема клюшки сразу же была забыта, стоило лишь Гриценко увидеть зареванное дочкино лицо.

– Ну, не ночевал одну ночь... – попытался оправдаться Гриценко.

– Папа... меня... чуть не изнасиловали, – сдерживая ры-

дания, прошептала Маша и вновь разревелась.

– Изнасиловали? – опешил Гриценко.

– Чуть... не... – всхлипывала дочь.

– Чуть... Кто?! – наконец дошло до Сереги, и он, швырнув на пол клятую клюшку, схватил в охапку содрогающееся от рыданий родное тельце. – Когда все это случилось?

– Этой ночью. Они будто знали, что тебя нет дома. Ну почему тебя не было со мной, папа?!

– Я... меня... Будь проклята эта ночь!

...В ту ночь, избитый и пьяный, в крови и собачьем дерьме, которым щедра полуночная городская земля, Гриценко застыдился в таком виде возвращаться домой. Он только представил себе укоризненный взгляд дочери...

Сашка Спинов не был Сереге таким уж близким приятелем, зато ни в чем не отказывал. Вот и тогда, увидев потеряннго, избитого товарища, промолчал, лишь сочувственно покачал головой. Затем приказал:

– Быстренько в ванную! Сейчас чистое полотенце принесу.

Уже закрывая за собой дверь в ванную, Серега услышал ломающийся мальчишеский голос:

– Папа, кто там?

– Дядя Сережа пришел. Гриценко. Ему нужна моя помощь...

Гриценко встал под душ и открыл воду. Теплые, холодные, теплые посыпались сверху прозрачные ломкие стрелы...

Спинову было меньше сорока, но волос на голове осталось совсем немного. Зато был Сашка рассудителен и всегда трезв. Жил он не то чтобы богато, но деньги у него водились, и этого он не скрывал. Работал Сашка начальником на одной компьютерной фирме, поэтому неудивительно, что у сына

был свой компьютер. Спинов-младший на год-два был старше Серегиной Машки, но девчонками интересовался мало, все больше за компьютером просиживал, строил какой-то сайт и искал единомышленников во всемирной паутине. Ту паутину Гриценко в глаза ни разу не видел, но отчего-то был уверен, что Спинов-младший мозговитый – ой-ой-ой!..

«Ой-ой-ой, как же рожа болит!» – морщась, Серега машинально попытался уклониться от колких стрел воды. Но она, казалась, лилась отовсюду и находила его – настигала его раны.

Теплые, холодные, теплые... Шершавые быстрые струи, как заботливые руки матери, вместе с грязью и кровью смывали Серегину боль и позор. Не стыдился Гриценко в те минуты растворять редкие свои слезы в щедрой воде душа.

«Вот же есть другая молодежь, – размышлял Серега Гриценко, вытираясь белым махровым полотенцем. – Ведь сын Спинова наверняка ровесник тем оболтусам, что меня отметили. И, главное, за что? Деньги вроде на месте... Вовке Сашкиному, кажись, шестнадцать или семнадцать, но голова у него как варит! Конечно, таких, как Вовка, по пальцам можно пересчитать. Из-за компьютера не выходит, знает эту чудо-технику, как я... Нда-а, в его возрасте я хорошо разобрался лишь в розовом портвейне».

В комнате, куда мимоходом заглянул Гриценко, творилось невообразимое. Комната была отдана под фантазии и невиданные эксперименты Вовки Спинова. В центре возвы-

шалась пирамида из черных плоских ящиков, подмигивавших Сереге красно-зелено-желтыми огоньками. Удивительную электронно-архитектурную композицию венчали компьютер, вращающийся на оси пластиковый стул и юный Спинов на нем – неожиданно плечистый и крепкий хлопец. «Хм», – глядя на такого орла (Вовка и в самом деле был похож на орла, восседавшего на вершине горы), удовлетворенно хмыкнул Гриценко.

– С легким паром, Сергей Иванович, – бодро обратился к нему Спинов-младший, лишь на секунду отвлекшись от светящегося монитора.

– Да я, в общем-то, и не парился... – начал было объяснять Гриценко, но тут со стороны кухни, где хозяйничал старший Спинов, повеяло таким аппетитным духом, что Вовку как ветром сдуло с его компьютерной пирамиды.

– Пойдемте ужинать, Сергей Иванович, – весело предложил он Гриценко. – Чувствуете, какой аромат?

– Так ведь время-то – три, небось... ночи?

– А-а! Отец – мастак готовить всякие легкие вещи.

На кухне чудес было не меньше. Главные из них – белый фартук на Спинове-старшем и тостер. Не отрывая восхищенного взгляда, Серега следил за тем, как из тостера выскакивают поджаристые, с румяной корочкой хлебцы. «Ну, точно салют на день освобождения Сум от немецких захватчиков!..» Чок – есть! Чок – еще, чок – и очередная гренка готова. Теперь Серега мысленно сравнивал тостер с бывшим

своим молотом: раз – поковка, два – следующая, три... Сердце заныло...

Гренки аппетитно хрустели на зубах и были... невыносимо перченными. Серега спасался холодным светлым пивом, а хозяева – ничего, знай поливают сверху ядерным кетчупом «чили» да похваляют. Вовка пил томатный сок из литровой пивной кружки. Все было по-домашнему – просто нереально по-домашнему.

– А где жена-то? – начал первым разговор Гриценко.

– В деревню уехала, к матери. Консервация полным ходом идет, сенокос – так надо помочь. Я вот тоже, может, дней через пять соберусь.

– А у меня Людка...

– Знаю, не продолжай. Что у тебя вообще творится? Слышал, на заводе ты больше не работаешь. И что это? – Сашка кивнул, показывая взглядом на синяки и кровоподтеки, «украшавшие» Серегино распухшее от побоев лицо. – Ты запил что ли?

– Да малость сорвался. А тут еще четыре каких-то молодых козла подкараулили. Даже не знаю, чем я им насолил.

– Сергей Иванович, давайте я вас перевяжу? А то кровь действительно... – предложил румянощекий Вовка. Губы у него, как у ребенка, смешно были выпачканы в томатном соке. – Только... Можно, я прежде... анализ вашей крови возьму?

– Чего?! – несколько оторопел Гриценко.

– Оставь, Володя, – поморщился Спинов-старший.

– погоди, папа, я сейчас все объясню. Ты же знаешь, я хочу организовать чат на уровне молекул дезоксирибонуклеиновой кислоты...

– А? – окончательно ошалел Гриценко.

– Ну да – молекул ДНК, – как ни в чем не бывало продолжал Вовка. – По моей теории, в контакт лучше всего вступают те «юзеры», у которых спирали ДНК закручены в практически идентичные «червяки». Такие молекулы способны создать идеальное коммуникативное соединение. Вот если бы удалось по сети слить хромосомы двух «юзеров»...

Вовка бережно промокнул марлевым тампоном рану на левом виске Гриценко – рана безостановочно кровоточила.

– Ого! Чем это вас, Сергей Иванович?

– Железякой, – Гриценко шмыгнул носом. – Один молодой подонок.

– Железякой? – переспросил Спинов-старший, присутствовавший при перевязке. – Прутом заехали?

– Да нет. Железяка – это я так, к слову сказал. Та штука из какого-то другого сплава, легче стали будет. Короче, палка с загнутым концом, на клюшку очень смахивает. Только маленькая какая-то, детских размеров. Клюшка для лилипутов, как я ее окрестил.

– Та клюшка совсем не для лилипутов, – сразу сообразил Вовка, – а для игры в гольф. Я как раз недавно о нем читал.

– Неужели у нас в городе кто-то играет в гольф? – удивил-

ся даже Спинов-старший.

– Да, а ты что не знал, отец?.. Продвинутые, кажется, создали даже свой гольф-клуб.

– Продвинутые?

– Это те парни, которые ездят по городу в иномарках с откидным верхом, курят трубки, играют в гольф и еще бо-
рются с гопниками.

– Так я шо, получается, гопник, мать их! – возмутился Гриценко. А Спинов-старший недовольно заметил: – По-мо-
ему, продвинутыми всю жизнь называли таких, как мы с то-
бой, сын, – программистов и спецов по «железу».

– Брось, папа! Таких, как мы, давно зовут «псами». От
слова «писи».

– Это что еще за неучи посмели?!..

– Погодите вы, Спиновы! Вот завелись! – неожиданно по-
высил голос Гриценко. – Потом разберетесь, кто из вас пес, а
кто – так себе... Скажите лучше, где искать тот самый клуб,
где гоняют хоккей металлическими клюшками.

– Да не хоккей, Сергей Иванович, – гольф!

– А, один черт! Моя голова не мяч, штобы бить в нее со
всей дури!

– ...Папа, это и в самом деле для гольфа, – повертев в руках клюшку, признала Маша. Она уже немного успокоилась после рассказа о том, что с ней случилось ночью.

Гриценко, пряча слезы, отвернулся к окну, из которого в комнату лился обычный солнечный свет. Как день может сменяться ночью, а рядом с хорошими людьми уживаются подонки?.. Эх, ну почему Гриценко не ночевал в ту ночь у себя дома?! Ишь ты, неловко ему стало за свою расквашенную морду! А то, что дочь чуть не изна... Считается, считается, считается любое «чуть», когда речь идет о жизни и чести!

Из Машиного рассказа он узнал следующее: по всей видимости, молодые подонки, бросив его избитым, направились напрямик к нему домой. Под предлогом, что «отец срочно просил передать», вынудили Машу открыть дверь. Тот, что похож на француза Маруани, с ходу ударил Машу по лицу, бритоголовый толстяк потащил девушку к кровати, кучерявый попытался сорвать одежду, а плюгавый блондин с мерзкими прилизанными волосами заорал, что будет первым...

Неожиданно Машу выручила соседка по лестничной площадке – вездесущая и скандальная Валентина Сидоровна. Вечно сексуально озабоченная, караулящая любого, кто пересекает их лестничную клетку, и особенно тех, кто разговаривает мужским голосом, она подглядела в глазок, как ни

свет ни заря в квартиру Гриценко ввалилось четыре чужих хлопца. Тут же там поднялся сумасшедший гам – ругань, жуткие вопли, грохот падающей мебели, девичий визг, рыдания и отчаянные крики о помощи... Что уж там подумала Валентина Сидоровна, испытывавшая постоянную нехватку мужчин... Неважно, что подумала она, главное – подросла вовремя.

– ...А я им кричу не своим голосом: «Что это вы, насильники, делаете?! Прочь от моей любимой Машеньки!» И они убежали, – громко сербая, Валентина Сидоровна пила чай на кухне у Гриценко. Как подглядела, что Сергей Иванович явился, так сразу же не заставила себя ждать. Продолжала, лукаво поглядывая на осунувшегося Гриценко: – А один из насильников – хам последний, но до чего хорош собой, стервец! Волосы черные, как смоль. Глазища наглые горят – попробуй перед такими устоять!.. Сергей Иваныч, слыхала я, от вас жена подалась... – вдруг безо всякого перехода спросила Валентина Сидоровна. Глаза у соседки хищно блеснули.

– Ну все, вам пора! Приходите в следующий раз, еще чаю нальем, а на сегодня довольно, – бесцеремонно начал выпроваживать соседку Гриценко. Когда они с дочерью опять остались вдвоем, Машка сказала, расставляя на полке вымытые чашки:

– По-моему, я знаю того, кто меня ударил. С ним встречается девчонка в моем классе...

– Он тоже учится в школе? – почему-то удивился Гриценко.

– Нет, где-то работает и... Да, припоминаю, Инка рассказывала: он заядлый игрок в гольф. Ходит по вечерам в какой-то клуб, который совсем недавно открылся.

– Гольф-клуб, – подсказал Гриценко. – Маша, узнай у своей подружки, где этот клуб. И еще спроси, как зовут ее парня. Как бы между прочим спроси.

– Зачем тебе, папа? Ты хочешь его проучить? Не надо, прошу тебя! Ему все сходит с рук...

– Маша, дочка моя, так надо! Я слишком долго всем все прощал.

Вечером, когда сумерки слизали с неба, фасадов домов и пыльных крон деревьев последние краски дня, Гриценко отправился на поиски пресловутого гольф-клуба. Судя по информации, которую выведала у подружки дочь, клуб находился в той части старого города, застроенного одноэтажными частными домами, где еще сохранились особнячки постройки начала прошлого века.

Отыскать гольф-клуб оказалось несложно. Он находился почти у самой реки, в начале поднимавшегося от серебристо-зеленого Пела тихого Чугуевского переулка, прямо поперек него, образовав таким образом тупик. Еще издалека Гриценко увидел решетчатый металлический забор, пустырь за ним и смутные в сумерках очертания большого одноэтажного дома. Когда Гриценко наконец подошел и вблизи рас-

смотрел место, где должен был совершить свою месть, его поразили три вещи. Во-первых, забор. Решетки, из которых он был собран, представляли собой фрагменты разных заборов или оградок, отличаясь между собой высотой и толщиной прутьев, количеством и формой стальных и чугунных кренделей, розеток, спиралей и прочих финтифлюшек, одновременно украшавших и укреплявших решетки. Здесь быликовка и литье. Чувствовался стиль, точнее, смешение стилей, кое-где, правда, выглядевшее несколько тяжеловато и бестолково из-за избытка вычурных завитушек и розеток. Но в целом забор впечатлял. «Старая работа, – одобрительно отметил про себя Гриценко. – Ручная... Я так, мабуть, сразу и не смогу. Денек-другой понадобится, чтобы приноровиться».

Второй вещью, изумившей Серегу, была лужайка перед зданием клуба – то, что издалека он принял за пустырь. Ох и травка росла на той лужайке! А как дивно она была пострижена!.. Сумерки были еще светлы, что давало возможность разглядеть и оценить ту степень совершенства, с которой был пострижен газон за решетчатым забором. Вот только что это за норы или колдобины, которыми местами была изрыта ухоженная лужайка?

Гриценко, подчиняясь невольному порыву, приник к прутьям забора, дабы получше рассмотреть странные ямки, назначение которых он не мог объяснить. Но стоило ему дотронуться до забора, как тут же в глаза ударил слепящий свет

прожектора, внезапно ожившего на крыше клуба. Почти в ту же секунду откуда-то сбоку на газоне вырос охранник. От застигнутого врасплох Гриценко его отделяла лишь кованая решетка. Охранник, одетый, по Серегиным меркам, в экстравагантную широкополую шляпу, наподобие той, что в вестернах носят лихие ковбои, оказался третьим элементом, всерьез озадачившим Серегу Гриценко.

Охранник спросил: – Ну шо, доплюнешь до лунки? – и кивнул в сторону ближайшей ямки в газоне. – Бьюсь об заклад, шо если даже доплюнешь, то сомневаюсь, шо попадешь точно в лунку. А? Шо скажешь?

Гриценко не сразу ответил. Он смерил взглядом с ног до головы охранника и, остановившись на его упитанной физиономии, стараясь быть вежливым, произнес: – А на фига мне харкаться в забор? Я што – верблюд, да еще с оптическим прицелом?

Охранник широко и самодовольно улыбнулся.

– Правильный ответ.

Потом, вдруг состроив злобную гримасу, он прорычал: – Потому как независимо от того, куда бы ты плюнул, ты бы в тот же сек схлопотал по мордасам. Усекаешь, братела? В тот же сек и ни часом позже! Проваливай отсель!

И, не дожидаясь, когда Гриценко провалит, повернулся к нему спиной и зашагал к клубу. Серега и так собирался отчаливать отсюда, но тут из дверей клуба вышли люди и, о чем-то оживленно беседуя, закурили на крыльце. Очень кстати

над их головами зажглась лампочка, осветив их лица. Гриценко вздрогнул: он узнал среди куривших парня, как две капли воды похожего на Маруани. Рядом с ним смоктал короткую трубку бритоголовый толстяк. «Вот черт!» – Серега в сердцах ударил по решетке – так двинул по ней, что та загудела.

– Не понял?! – охранник резко обернулся, рука его потянулась к дубинке, висевшей слева на поясе. – Я ж тебе внятно все разбазарил!

– Так разве через такой забор плюнешь? – сокрушенно покачал головой Серега.

– Не понял? – повторил охранник.

– Узко прутья стоят. У меня плевок застрянет. Надо раздвинуть чуток.

– А-а, так ты еще шутник. Вали, пока я тебе ребра не раздвинул. Ну!

Гриценко сделал вид, что испугался, и отошел шагов пять влево, пока не наткнулся на калитку в заборе. Она была довольно широкой. На ней висела полированная стальная табличка с выгравированной надписью: «Клуб „Новые арии“».

– Этого только не хватало! – присвистнул Гриценко. – Ишь ты – новые арии. Мать их!..

Погасла лампочка на опустевшем крыльце, сомкнул злобный глаз прожектор на крыше клуба. Серега тихонько разорялся себе под нос, как вдруг из заметно сгустившихся, точно обойный клей, сумерек вынырнул мужичок. В первый

момент Гриценко не заметил его, погруженный в строгие размышления о самозванных «новых ариях», увлекающихся игрой в чужеземный гольф, о необходимости взять штурмом их клуб и надрать им всем задницы... Гриценко пристально и совершенно напрасно всматривался сквозь кованые ребра забора, прикидывая в голове различные варианты штурма. Напрасно старался, потому как нахлынувший прилив ночной мглы накрыл с головой и здание клуба, и аккуратный газон перед ним, и даже широкополую ковбойскую шляпу охранника, вздумавшего помочиться прямо на ступенях крыльца... Охранник, сделав мокрое дело, минут через пять вновь зажег лампочку над крыльцом, опять представ в шутовской своей красе.

Тем временем мужичок вернулся, зыркнул подозрительно на Серегу, но закурить попросил почти вежливо: – Слышь, сигаретки не найдется?

– Найдется, – Гриценко, не глядя, быстро протянул незнакомцу пачку «Примы», лишь бы тот отвязался. Но мужичок, как нарочно, не спешил. Ленивым движением вставил правой рукой в рот сигарету и той же рукой легонько щелкнул ее по кончику, словно дал ей щелбан. В ту же секунду сигарета, задымившись, засветилась малиновым огоньком. Краем глаза Гриценко увидел этот фокус, но особого значения не придал.

– Меня, между прочим, Коровиным зовут, – мужичок с удовольствием выдохнул через нос две струйки серебристо-

го дыма. Дым сверкал, переливался, точно звездный шлейф сказочной принцессы из какой-нибудь детской мультяшки. Видимо заметив, с каким изумлением Гриценко уставился на светящийся дым, Коровин сказал:

– Люблю делать все с удовольствием. Тогда даже такая мелочь, как дым, по-другому смотрится. Поэтому если ты что-то задумал... вон с тем дядькой сделать, – Коровин кивнул в сторону крыльца, – постарайся сделать это с большим аппетитом.

– О чем это ты? – прикинулся Гриценко.

– Да все о том же. Между прочим, ты так и не назвал своего имени.

– Ну, Серега я, Гриценко. На кой оно тебе?

– Слишком длинно. Я буду звать тебя просто: Гриц.

– Сдается мне, парень, ты много на себя берешь. Я хоть и бывший кузнец, но удар у меня поставлен.

– Ладно, Гриц... енко, не кипятись! Разве я виноват, что воспринимаю тебя не как Гриценко, а как Грица?

– Слушай, как там тебя... Коровин! Что ты все вокруг да около? – повысил голос Серега. – Я тебе прикурить дал? Дал. Так вали подобра-поздорову! А то ведь не ровен час лопнет мое терпение, тогда не обессудь!

В глаза ударил едкий электрический свет. То охранник, по всей видимости, услышав возню за забором, снова врубил прожектор, направив его в сторону подозрительного места.

– Эй, кто там?! Гэть отсюда! – донесся его крик. – А то

постреляю всех, как бездомных кошенок!

Гриценко закрылся ладонью от слепящего света, отвернулся и в тот же миг сквозь неплотно сомкнутые пальцы увидел Коровина. Да так живо, как в ясный солнечный день!

В Коровина прицельно бил мощный прожектор, но странный человек даже не думал жмуриться. За те несколько секунд, в течение которых Гриценко смотрел на незнакомца, тот показался ему мужчиной лет пятидесяти, возможно, одного года с мастером Приходько (чтоб тому пусто было!). Да и роста мужик был похожего, и даже телосложения – плотный, коренастый, широк и крепок в плечах... Правда, кажется, без левой руки... Да, в самом деле – рукав ниже локтя пустой, безжизненный, как рукав пожарного шланга, по которому уже никогда не пустят воду... Но лицом Коровин был бодр и приятен. Так поначалу воспринял Гриценко. Лицо у мужика круглое, покрасневшее, здоровьем светится (назло злему прожектору светится!), да к тому же к полноте расположено. Смотришь на него и думаешь: «А ведь точно Коровин! Не рожа, а коровье вымя, полное молока». Да, кабы не густые черные бакенбарды, выглядевшие двумя строгими стражами на одутловатых щеках, ясен пень, расплылась бы физиономия Коровина до неприличных размеров!

И еще губы. Неприятно на них смотреть. Словно с чужого лица сняты: непропорционально тонкие и длинные, такое впечатление, будто насильно растянутые. Так непонятно, что при этом получилось: полуулыбка, полуусмешка, полуужим-

ка. Такие губы в жизни поцеловать не захочется. Да что там поцеловать – ударить рука не поднимется! Страшно отчего-то.

Гриценко невольно передернул плечами, будто от внезапного озноба.

– Что, не по себе? – кажется, искренне посочувствовал Коровин. – Жарит прожектор, сволочь! Давай в сторону отойдем.

– Че здесь топчешься? Деньги что ли отняли? – полюбопытствовал Коровин, когда они вновь оказались в спасительной ночной темноте. Говор у мужика был ближе к российскому. Гриценко шумно втянул носом воздух, будто пловец, готовящийся к заплыву, но промолчал. Коровин был ненавязчиво настойчив.

– Меня, когда руку оттяпало, без всяких компенсаций выкинули на улицу.

– Деньги тут ни при чем, – наконец сдался Гриценко. – У меня другое... С потерей работы я смирился. Но эти гады с моей дочерью сделали... такое... сделали! – голос Гриценко звенел.

– Пустыми руками ты с ними не совладаешь. Пойдем со мной – у меня есть то, что тебе нужно. Потом вместе вернемся. Я помогу тебе, Гриц.

Сергея стоял, опершись спиной на забор, не двигаясь, будто прилип к липким влажным прутьям.

– Знаешь, – решил он поделиться сомнениями, – сдает-

ся мне, в очень нехорошее место я забрел. Мрачно все и по-жлобски выглядит, несмотря на газон и табличку. Прямо притон какой-то!

– Э-э, да ты притонов не вид... – оборвал себя на полуслове Коровин, но уже в следующую секунду нашелся: – Прочь сомнения! Вон они – твои «герои»!

Прожектор потух минуты три назад, горела лишь лампочка на крыльце. Вдруг в неровный круг ее слоистого света из дверей шагнула бравая четверка – красавчик «Маруани», толстяк с лысой головой, кучерявый в бейсболке и коротышка-блондин, чьи волосы казались прилизанными. Они и сейчас выглядели такими же точно, словно смоченные водой или смазанные жиром. Гриценко подивился про себя, как же крепко он запомнил молодых гадов, но, вздохнув, сказал:

– Эх, а ведь и правда придется возвращаться.

И они пошли прочь. Под ногами смачно трещал щебень (рассыпанный здесь, возможно, под новую дорогу), в виске горячо стучала кровь, кончики пальцев жгло, как перед большой дракой.

...Ох уж эти бывшие уездные города! Невоспитанные, лишенные должного барского лоска и благородства. Невоспитанные в том смысле, что до сих пор незнакомы с правилами цивилизованного общежития, которых испокон веку придерживаются в промышленных губернских городах. Говоря простым языком, в уездном городе (бывшем, разумеется) еще всякое можно ожидать, о чем уже стыдно подумать большому городу. К примеру, вы можете степенно и вальяжно фланировать по центральной улице Сум (типичный уездный городок!) или лететь по ней, как потерпевший, опаздывая на деловое свидание или брифинг в облгосадминистрации, а в это время во дворах домов, обновленными фасадами выходящих на эту самую центральную улицу, их жильцы справляют нужду, традиционно присев над вонючими дырками в дощатых уборных, ходят по воду к чугунным колонкам, на убогих кухнях жгут газ из баллонов и моются раз в месяц в городской бане или у друзей, живущих в «хрущевке» в одном из «спальных» районов...

Не меньше часа водил Коровин неизвестно отчего подчинившегося его воле Гриценко. Водил по черным подворотням, вдогонку лягавшимся звонкими цинковыми ведрами и наполненными мусором картонными коробками. Водил по черным проулкам, бросавшимся под ноги пудовыми бу-

лыжниками, кирпичами или кусками арматуры, торчавшей из разбитого асфальта. Водил по черным подвалам, шуршавшим мокрыми крысами, рыгавшим пьяными ртами, стонавшим влажными, предсмертными голосами...

Внезапно мытарства кончились. Когда Гриценко вытащил из-за пазухи очередную летучеползучую тварь, укусившую его до крови, когда у Коровина появилась частая одышка, вот тут-то все и закончилось. Коровин привел совершенно измотанного, проклинавшего себя и дорогу Серегу к двухэтажному деревянному строению, по всей видимости потерявшему счет годам, такому ветхому, что опасно накренившийся вперед его фасад пришлось подпереть, словно костылями, тремя ржавыми трубами. В таком чудо-тереме могли жить разве что неудачливые художники, тормознутые наркоманы или перешедшие рубеж отчаяния старики. В громадных окнах на втором этаже, вставленных в мелкорешетчатые рамы (потому напоминавшие разлинованные в клетку тетрадные листы), горел свет, метались силуэты и тени людей. Оттуда слышались танцевальная музыка, удалой свист и, казалось, нетрезвые крики.

– Ну, че стал? – Коровин обернулся к не решающемуся войти Гриценко.

– Да шо мне там делать? Никак свадьбу гуляете?

– Ну, выдумал. То просто танцы. Что-то вроде вечера для тех, кому за тридцать. Не дрейфь, заходи в дом. Познакомлю со своими. Винца заодно выпьешь...

Коровин закурил, вновь щелкнув пальцами по кончику сигареты, и подмигнул Сереге. Деревянная лестница круто уходила вверх, в непроглядную темноту, словно вела вовсе не на второй этаж, а мимо него сразу на чердак или, чем черт не шутит, и того выше – прямоком в черное, как свежерытый колодец, небо. При этом лестница скрипела чуть тише переляканных автомобильных тормозов и была ужасно скользкой. Словно на нее уронили трехлитровую банку олии. Но воняло вокруг далеко не подсолнечным маслом – таким воняло нехорошим и до боли знакомым...

В затылок, казалось украдкой посмеиваясь, влажно дышал Коровин. Вот проныра! Когда это он оказался сзади? Эх! Гриценко решил, что терять ему все равно нечего, и толкнул дверь, за которой резвились голосистые трубы и скрипки.

На него глянуло, наверное, с полсотни лиц. «Вот дауны», – тут же промелькнуло в Серегиной голове любимое Машкино словечко. В самом деле физиономии уставившихся на него людей были премерзкими – подозрительно безжизненными, с неправильными чертами лица, желтыми и блестящими, будто деревянные чушки, вскрытые лаком. «Боже, какие они все потные!» – поморщился от брезгливости Гриценко, но вслух предложил: – Может, я внизу подожду?

Коровину это не понравилось, он насупился:

– Брезгуешь моей компанией? Да и потом... кого ты, интересно, собираешься ждать? А? Мы все уже здесь – Ведем,

Миц, Шабар, Чарод, Колдак, Ягра...

Собравшиеся, не отрывая от Гриценко туповатых и одновременно беззастенчиво-жадных взглядов, игнорируя продолжавшую надрываться музыку прошлого (не иначе, пятидесятых-семидесятых годов), по очереди раскланивались или делали реверанс, стоило лишь Коровину назвать чье-нибудь имя.

– Миц, поди сюда! – Коровин вдруг позвал худенького, плюгавенького человечка неопределенного возраста в ярко-красной ковбойке и мешковатых, травянистого цвета штанах, сильно смахивающих на солдатские галифе. Коровин весело цокнул языком, словно предвкушая какое-то удовольствие, и похвалил подошедшего Мица:

– Это наша гордость. За версту учует чужую кровь! Почтище любой собаки...

– Шо? – машинально переспросил Гриценко, особенно не вдумываясь в то, что сейчас сказал Коровин. Не до того было: Серегу не на шутку озадачил вид Мицевых рук. А тот не знал, куда их деть, все норовил за спину спрятать, да куда там! Вдруг руки его как бы сами собой оказались перед самым Серегиным носом. Вздвогнув, Гриценко попятился – ногти на руках плюгавенького человечка были просто неприличной длины!

«Не нравится мне все это», – подумал было слегка струхнувший Гриценко, но Коровин мягко и настойчиво подтолкнул его в спину.

– Опять стусевался?.. Как же ты собираешься мстить тем желторотым пацанам, если испугался обыкновенных...

– Никого я не боюсь! – фыркнул Гриценко и недовольно скинул с плеча руку Коровина.

– Ну, если не боишься, тогда присоединяйся к нашему веселью. Ягра, Шабар, принесите гостю вина! Чарод, поставь новую пластинку. Моему другу нужно расслабиться.

Ягра, пышечка сверхбальзаковского возраста, была в парике времен короля Людовика XIV... Впрочем, кузнецу Гриценко было невдомек, на что могло быть похожим седое воронье гнездо на голове нелепо молодящейся Ягры. Непрерывно улыбавшаяся Сереге черными очами Шабар была не намного моложе подружки. Разве что талия уже... От обеих жутко несло карболкой.

– погоди, Коровин, не гони лошадей, – сделав вид, что абсолютно спокоен, Гриценко усмехнулся. – Успею и выпить, и сплясать с твоими подружками. Дай хоть немного освоиться, осмотреться... Ага, вон вижу картины висят. Так я пойду погляжу, а то после вина могу и забыть про высокое искусство. А, Коровин?

– Ну-ну, сходи приобщишься к... высокому, как ты сказал, – Коровин проводил Серегу долгим испытующим взглядом. Если бы в этот момент Гриценко вздумал обернуться, он к большому своему изумлению обнаружил бы, как в коричнево-зеленых Коровинских глазах подозрительно дрожат зрачки. Они колыхались так же отчаянно, как колыхнется на вет-

ру пламя свечи. Зрачки опасно вздрагивали, грозя погаснуть, но так и не погасли.

– Назвался зверем – не отказывайся от жребия, – произнес вдогонку Коровин.

Какая-то сила внезапно увлекла Гриценко в глубь громадной неприветливой комнаты, не просто увлекла, а как бы подтолкнула изнутри, отвесила невидимый тумак, мгновенно сломив Серегино сопротивление. Да Гриценко, в общем-то, и не сопротивлялся. Напротив, почувствовав странное влечение (к чему – пока еще неизвестно), он с бездумной радостью пошел на поводу у темной силы. Зачем-то прислушивался к собственным шагам по скрипучим половицам, не мигая глядел на голую двухсотваттку, палившую в центре с потолка, на ее вольфрамовое сердце, с нездоровой жадностью рассматривал каждую нитку паутины, каждую трещинку в старой штукатурке, то там то сям облупившуюся, надувшуюся смертельными пузырями... Как вдруг – графические и фотопортреты, в рамках из потемневшего от времени дерева, под желтоватым стеклом и просто нанизанные на нитку... Но все необычайно выразительные, пробирающие душу пронзительными, глядящими исподлобья или по-кошачьи цепкими, царапающими ум и сердце взглядами.

Под некоторыми портретами стояли подписи: имя и фамилия, даты рождения и смерти, какая-то краткая справочная информация... Под другими также был помещен столь же лаконичный текст, но при этом отсутствовал... сам порт-

рет. Просто чистый или запачканный грязными руками прямоугольный кусок картона! Или наоборот: чей-то мужской или женский портрет, под которым не стояла строка-подпись или же она была, но неполной, с набором каких-то непонятных иероглифов или букв.

Гриценко почти сразу узнал в смазливом молодом человеке, портрет которого открывал необычную галерею, известного американского киноактера: «Цэ ж... як его?.. Круз, мабуть. Точно! Вот же написано: „Круз Том (наст, имя Томас Круз Мэпотер IV) (р. 3 июля 1962, Сиракузы, шт. Нью-Йорк), американский актер. Фильм „Интервью с @@@@@" (1994)“. И того хлопца я знаю, шо рядом висит: „Бандерас Антонио (р. 1960), испанский актер. Фильм „Интервью с @@@@@" (1994)“. Шо за фигня? „Интервью“ с кем? Какие-то буковки, на „а“ схожи. И вот тоже: „Интервью с @@@@@" , мистический фильм с элементами эстетизма, снятый по романам Энн Райс. Режиссер Джордан Нил (Ирландия)». Только шо-то этого Жордана ни хрена не видно! Какая-то мазня вместо фотки...»

В самом деле именем Нила Джордана был подписан совершенно невнятный, с расплывчатыми чертами лица портрет. И таких портретов было немало. В недоумении (переросшем затем в сильное раздражение) Гриценко рассматривал размытые разноцветные или черно-белые пятна причудливых форм, подписанные лаконично и однообразно: «Элизабет Батори (1560–1614), венгерская графиня, прославивша-

яся как женщина-@@@@@», «Нодье Шарль (1780–1844), французский писатель. Пьеса „@@@@@“ (1820)»; «Марш-нер Генрих Август (1795–1861), немецкий композитор. Романтическая опера „@@@@@“ (1827) по одноименной пьесе Шарля Нодье»; Стокер Брэм (1847–1912), ирландский писатель. Роман «ZZZZZZZ» (1897); Страшимиров Антон (1872–1937), болгарский писатель. Социально-бытовая пьеса «@@@@@» (1902); Мурнау Фридрих Вильгельм (1889–1931), немецкий кинорежиссер. Фильм «@@@@@ Носферату» (под таким названием шел в советском прокате, 1922)»...

– Ну, как тебе – впечатляет? – внезапно за спиной Гриценко раздался голос Коровина. От неожиданности Серега даже вздрогнул.

– Не. Какие-то буковки, рож не видно. Кругом кляксы уродливые! Зачем все это?

– Какой же ты, парень, ограниченный!.. Ну да ладно. Со временем все поймешь, а пока... Что тебя не устраивает? Что не можешь узнать некоторых людей, чьи портреты здесь висят?

– Да каких «некоторых»! Их тут тьма! И потом, разве ж то портреты? Курица лапой лучше нацарапает!

– Ты не прав, парень. Это великолепные, серьезные работы, очень ясно и глубоко передающие характер изображенных на них людей. А то, что отдельные портреты кажутся тебе безобразными пятнами... Так это твои проблемы, парень!

Виной тому – твое невежество и ограниченность.

– Шо это ты вздумал меня оскорблять? – обиделся Гриценко и, набычившись, поднял кулак.

– Остынь! – немедленно осадил Серегу Коровин. Приказал таким властным тоном, что Гриценко не посмел ослушаться, тут же разжал кулак. Снисходительно ухмыльнувшись, Коровин спросил: – Скажи честно, кого из этих людей ты знаешь – Нодье, Маршнер, Мурнау? А?.. Вот видишь – никого. А раз не знаешь, то и представить себе не можешь! Портреты эти не на стене висят, а... Короче, они как бы всплывают из твоего сознания, становятся объектом твоего воображения, но при одном важном условии.

– Яком?

– Я же тебе сказал: ты должен знать эти людей.

– Шо – лично? – испугался Серега, глянув на даты рождения и смерти неизвестных ему людей.

– Балбес! – перехватив Гриценковский взгляд, вспылил Коровин. – Ты должен знать их по их книгам и фильмам!.. Лично – чего захотел! Лично знаю их только я...

– Шо? – Гриценко с недоумением уставился на Коровина, но тот быстро перевел все в шутку:

– Каждую ночь они являются мне во сне, спать не дают.

Сделав несколько шагов вдоль стены, Гриценко вдруг радостно оживился:

– Во! Этого мужика в парике я где-то видел!

– Еще бы! – хмыкнул Коровин. – Это ж Гете.

– Точно, – согласился Гриценко и прочел вслух надпись под портретом: «Гете Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий писатель. „Коринфская невеста (поэма о @@@@@" (1797)». Опять эти чертовы буковки! Шо они значат, Коровин?

– Придет время, и ты узнаешь. Кстати, с тем, как ты говоришь, «мужиком», ты тоже должен быть знаком.

– Это с каким же? С бородой што ли?.. А-а, ну да. Это ж он «Золотой ключик» написал?

– Нет, он Козьму Пруtkова придумал, дурак, – поправил Коровин, но Гриценко не услышал, углубившись в чтение:

– «Толстой Алексей Константинович (1817–1875), русский поэт, прозаик, драматург. Повесть „&&&&“ (1841)». О, а здесь уже другие буковки!

Пройдя еще немного, Гриценко так и обмер. За его спиной, зло прищурившись, тихонько посмеивался Коровин.

– Какой портрет... – наконец произнес Серега.

– Нравится?

– Ты шо?! От него ж смертью несет, как из мусорного бачка дерьмом!

– Разве? По-моему, весьма представительный господин. Вон как изысканно одет! Возможно, даже царский вельможа. Точно! Гляди, что написано, – и Коровин, приблизившись к портрету, прочел: – «Влад Тепеш-ZZZZZZZ (1428/31-1476), князь Валахский».

Гриценко не ответил, не обратив внимания, какой ско-

роговоркой Коровин произнес второе имя князя. Ошарашенный, Серега разглядывал портрет незнакомца. Из-под шапочки, украшенной громадной восьмиконечной золотой звездой и щедрой россыпью белого жемчуга, на Гриценко глядели холодные, неестественно выпученные глаза. Пышные черные усы, маленький жесткий рот, оттопыренная нижняя губа и ужас, совершенно непреодолимый ужас, излучаемый всем обликом князя Валахского... Ужас вдруг проник в сердце Гриценко и парализовал его волю.

– Прямо чудовище какое-то. Но я ж не знаю его! – воскликнул Серега.

– Влада Тепеша?! Не смеши! Его нельзя не знать! – Коровин топнул ногой, будто точку поставил в их разговоре.

Отвернулся в сердцах... пряча злую усмешку. И тотчас, словно подгадав, перед Гриценко громоотводом выросла черноокая Шабар, прижимая к груди пластиковый поднос. По-прежнему улыбаясь Сереге, она взглядом предложила вина, налитого в два прозрачных бокала.

Вино было классным. Темно-рубиновое, щедро переливавшееся в электрическом свете, отбрасывавшее тонкие чистые лучики, словно искусно обработанные грани принадлежали не хрустальному бокалу, а самому вину. Терпкое, с кусочками виноградной мякоти, сладко вяжущей язык... Гриценко оценил его. Осушил бокал, поставил на обычный общепитовский поднос с обгрызенными краями (так не вяжущийся с роскошным бокалом), вытер рукавом рот, взялся за

второй бокал... Но остановил голос Коровина за спиной:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.